

© 2013 г.

А.А. ОРЛОВ

КОНЦЕПЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО. ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В ТРАКТАТЕ “ЖАЛОБА МИРА” 1517 года

В 1517 г. был опубликован небольшой по объему трактат знаменитого философа Дезидерия Эразма Роттердамского (1469/67–1536) “Жалоба Мира”. Он создавался в период перехода Европы от средневековья к новому времени; революционные изменения происходили в экономике и в мышлении тех, кто трудился в различных ее сферах¹. Менялись политические структуры общества, укреплялись национальные государства, что сопровождалось широкомасштабными и многолетними военными конфликтами, осложнявшимися социальной борьбой и народными восстаниями. С 1494 по 1559 г. шли “Итальянские войны” между Францией и династией Габсбургов за обладание итальянскими государствами, а также за гегемонию в Европе, в них оказались втянуты Испания, Германская империя, Англия и швейцарские кантоны. Римские папы не стояли в стороне, а некоторые из них, например Юлий II (1503–1513), в чей адрес Эразм отправил немало ядовитых стрел, напрямую участвовали в войнах².

По-прежнему сохранялась угроза турецких завоеваний. Османские султаны не могли упустить шанс, предоставленный им внутренней слабостью и междоусобицами в стане противников. В 1526 г., через девять лет после публикации трактата Эразма, турецкая армия во главе с султаном Сулейманом II Великолепным (1520–1566) разгромит венгерско-чешскую армию короля Лайоша (Людовика) II Ягеллона (1516–1526) в битве при Мохаче. Король, спасаясь бегством, утонет в болоте. В 1529 г. турки овладеют Будапештом и возьмут в осаду австрийскую столицу Вену. По словам исследователя А.М. Лотменцева, “правление султана Сулеймана... стало критическим для державы Габсбургов на восточном направлении”³. Тяжелые австро-турецкие войны будут продолжаться в течение XVI–XVIII вв. и никто в Европе не чувствовал себя спокойно.

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Статья подготовлена в рамках гранта МГГУ им. Шолохова, договор КМУ № 12 от 27.XI.2012.

¹ Об этом подробнее см. исследование немецкого экономиста, историка и социолога В. Зомбарта (1863–1941) “Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь” (М., 2004).

² Эразм Роттердамский. Жалоба Мира, отовсюду изгнанного и поверженного. 1517. – Трактаты о вечном мире. СПб., 2003, с. 45, 48. (Сноски на это издание будут делаться в скобках в тексте с указанием страниц.) Хотя Юлий II в 1506 г. особой грамотой (бreve) освободил Эразма от всех канонических ограничений, налагавшихся на него рождением вне брака, ученый был счастлив, когда воинственный папа, которого он считал первопричиной всеобщей взаимной вражды, скончался в феврале 1513 г. Эразм откликнулся на эту смерть язвительнейшей сатирой “Юлий, не допущенный на небеса”. – Маркиш С. Знакомство с Эразмом из Роттердама. М., 1971, с. 8, 16.

³ Лотменцев А.М. Славонский Градец. Libera regia civitas. М., 2012, с. 8.

Эразм начинает свой трактат с обсуждения этической проблемы: к чему более склонна природа человека – к миру или к войне? На взгляд одного из виднейших представителей “христианского гуманизма” Божественное провидение создало человека, животных, мир вокруг них и небесные светила разумно и гармонично. Человек – одно из самых совершенных творений Господа. Он наделен разумом и в соответствии с заветом Бога способен любить окружающих и жить с ними в согласии. Но что же видит Эразм вокруг себя? Мир существует скорее “среди самых лютых зверей, среди самых тупых скотов, [нежели]... среди людей... Только людей, коим, казалось бы, более других подобает быть единомышленными, не примиряет ни природа, обыкновенно столь могущественная и деятельная, ни воспитание, не сплывают выгоды, проистекающие от согласия, и даже многие совместно пережитые несчастья не склоняют их к взаимной любви” (с. 30–31).

Автор задается вопросами: почему человек не склонен следовать голосу разума и своей природы; что может помочь ему измениться ради достижения всеобщего мира; как сделать так, чтобы мир оставался крепким и надолго обеспеченным?

Эразм с горечью убеждается: в его время раздоры существуют среди простого народа (черни), между правителями, знатью, богословами и даже между священнослужителями, забывшими свою первейшую обязанность – улучшение человеческих душ и изгнание из них пороков. Более того, священнослужители сами поощряют войны. “Дело зашло уже так далеко, что почитается глупым и нечестивым даже рот раскрыть для осуждения войны и восхваления того, что прежде всего восхваляли уста Христовы” (с. 44–45). Раздор проник в семью, поселился в душе человека. “Человек в разладе сам с собою: разум борется со страстями, одно чувство сталкивается с другим, благочестие зовет в одну сторону, честолюбие – в другую, похоть внушает одно, гнев – другое, чванливость – третье, жалость – четвертое. Люди не стыдятся называть себя христианами, во всем расходясь с заветами Христа” (с. 35). Невозможность устранить противоречия, а значит и войну, становится роковым недугом человеческой натуры (с. 51).

Казалось бы, нарисованная картина ужасающе безнадежна. Но Эразм все же видит выход из этого положения. Он верит в то, что человек, “чья добрая воля склонна к согласию” (с. 37), может и должен стремиться к гармонии христианских добродетелей, с помощью которых благочестивые люди сокрушают пороки. “Всякий возвещающий о Христе, возвещает о Мире. Всякий, прославляющий войну, прославляет Антихриста” (с. 36). Неправедные священнослужители скомпрометировали религию, сведя ее только к культу. Таинства не связывают, если нет духовного единства верующих. Если оно существует, тогда “нет ни раба, ни свободного, ни варвара, ни грека, ни мужчины, ни женщины, но все – одно во Христе, всех приводящем к согласию” (с. 40). Страстная проповедь возрожденного христианства поможет примирить человека с самим собой, создать на земле новое общество, неразрывно спаянное не страхом и насилием, а взаимной любовью. Все христиане должны вновь составить одну семью, подчиняющуюся небесному Отцу.

Но не приведет ли такое единство к полной унификации человечества? Отвечая на этот вопрос, Эразм пишет: “Смотри сколь тесного единства пожелал Христос своим: Он не сказал, чтобы они были единомышленны, но сказал, чтобы они были едины” (с. 38). Мыслитель предполагал, что христианство как универсальная религия, примирит все человеческие расы и культуры и, таким образом, будет достигнуто (причем не на политической, а на нравственной основе) объединение не только Европы, но и всего мира. (Стремление Эразма убедить читателей в необходимости создания универсальной “Христианской Республики”, которая постепенно может охватить все народы, отмечалось в немецкой историко-юридической литературе 30–70-х годов XX в.⁴)

⁴ См., например: *Geldner F.* Die Staatsauffassung und Fürstenlehre des Erasmus von Rotterdam. Berlin, 1930; *Koerber E., von.* Die Staatstheorie des Erasmus von Rotterdam. [West-]Berlin, 1967; *Schottenloher O.* Erasmus und die Respublica Christiana. – *Historische Zeitschrift*, 1970, Bd. 210, № 2, S. 295–323.

По крайней мере, в его трактате прямо выражена надежда на то, что турки будут обращены в христианскую веру при одном условии: сами европейцы должны стать настоящими христианами (с. 56–57). “Было бы предпочтительнее и их (турок. – *А.О.*) тоже обращать в христианскую веру наставлением, добрыми делами и праведной жизнью, а не нападать на них с оружием в руках. Если же, как было сказано, войны вообще невозможно избежать, то война против турок, конечно, будет меньшим злом, чем столь нечестивые сражения и столкновения христиан друг с другом. Если не связывает их взаимная любовь, то, определенно, соединит общий враг, и будет тогда какое ни есть единство, хотя и без истинного согласия” (с. 51).

На кого следует возложить задачу нравственного улучшения человечества? По мнению Эразма, это прямая обязанность светских и духовных властей. “Если простой народ мало задумывается о подобных вещах, то государь и знать, конечно же, должны над этим размышлять. Священники обязаны вбивать это в голову каждого, внушать всем, кто хочет и не хочет. Дойдет, наконец, до сознания, если всюду говорить об этом” (с. 53). Светские правители должны служить подданным образцами морального авторитета. Тогда народы не будут ввергнуты в войны из-за пустячных поводов, как, например, “из-за ничтожного долга, быть может, и не подлежащего уплате” (с. 39). Эразм наотрез отказывается считать серьезными большинство поводов, которые заставляют государей вести войны (из-за титулов, нарушений, подлинных или мнимых, договоров, личных обид). Ошибки становятся преступлениями, когда разжигают междоусобную борьбу в стране ради усиления власти, а также для расхищения богатств подданных. Почти справедливой причиной войны считается нападение на соседнее королевство, если там дела обстоят чуть благополучнее, чем у тебя самого (с. 42–44, 59).

Здесь Эразм приводит пример Франции – “самой процветающей из всех” европейских стран, подобной “чистейшему цветку христианского могущества”. Читая эти строки, мы можем приблизительно представить себе, как автор видел разумное устройство государства. Условиями процветания для него являются обширные владения (способы их приобретения прямо не названы, но из того, что он говорит о границах, можно понять: удовольствуйся достоянием предков), почтенный парламент⁵, знаменитый университет, согласие в обществе (залог могущества власти), достигаемое силой закона⁶, и соблюдение чистоты христианской веры, не испорченной общением с иудеями и мусульманами. Противоположный пример – раздробленная Германская империя, не имеющая “даже видимости королевства” (с. 43). Впрочем, Эразм не может не отметить: и во Франции существуют раздоры между христианами (с. 52). Эти раздоры были предвестниками Реформации и религиозных (гугенотских) войн, растянувшихся на 30 лет (1562–1594 гг.).

Политическая централизация Франции, ее единство, в большей степени, нежели ситуация в других странах, соответствовали христианским идеалам нравственного совершенства, столь важным для Эразма, отмечал М.М. Смирин. “Но Франция – единственное в своем роде государство (*Sola Francia*)! Кроме того, грабительские походы французской знати в Италию не могли не вызвать резкого осуждения Эразма”. С точки зрения автора трактата, речь должна идти о полном устранении самих причин, порождающих войны между народами, когда во всем мире – как в области внутренней политики государств, так и в международных отношениях – будет достигнуто и реализовано высшее нравственное начало, когда восторжествует принцип господства общих интересов над всеми частными. М.М. Смирин полагает: “В таких условиях Эразм не мог рекомендовать для практической политики те мероприятия,

⁵ Парламентом в это время во Франции называли верховный королевский суд, постоянно находившийся в Париже (парижский парламент).

⁶ Эразм пишет: “Пренебрежение законами быстро ведет к гибели государства, а когда вступает в дело оружие, законам вообще приходится молчать” (с. 54). “Власть государей приобретет больше величия, если они будут... править скорее с помощью законов, нежели силой оружия” (с. 59).

которые вытекали из его теории государства. В области практической политики Эразм ограничивался рекомендацией арбитража влиятельных лиц и установления между государствами твердых границ”⁷.

Действительно, в трактате есть предложение о введении международного арбитража. “Зачем же сразу хвататься за оружие? Существуют законы, ученые люди, достойные аббаты, почтенные епископы, здравый совет которых может прекратить раздор. Почему же не призывают стать третейскими судьями тех, кто не бывает столь несправедливым, что не предпочтет мириться с меньшим злом, лишь бы не пытаться счастья на войне? Едва ли бывает такой несправедливый Мир, чтобы нельзя было предпочесть его даже самой справедливой войне” (с. 47). В случае необходимости решить вопрос о начале войны – убежденный пацифист Эразм признает необходимым и справедливым только отражение нападений чужеземцев и защиту общественного спокойствия (с. 51)⁸, – король должен созвать совет “мудрых старцев”, известных любовью к отечеству. Войну “можно начинать лишь с согласия всего народа”. Впрочем, для всех будет лучше, если военные действия не начнутся вовсе (с. 50). “Однако представь себе самую справедливую причину для войны и вообрази как можно более благоприятный ее исход, сопоставь все потери, неизбежные при ведении войны, с выгодами, какие сулит победа, и подумай, так ли уж заманчиво побеждать. Едва ли когда-нибудь удавалось одержать бескровную победу. И вот уже подданные твои замараны человеческой кровью. Прибавь к этому утрату добрых нравов и порядка, возместить которую невозможно никакой выгодой. Ты истощаешь свою казну, отягощаешь добрых граждан, подбиваешь на преступление негодяев, да и по окончании войны не сразу можно устранить ее последствия. Приходят в упадок ремесла, науки и искусства, замирает торговля”, – обращается к государю Эразм (с. 54–55).

Что касается границ, то Эразм советует: “Пусть государи раз и навсегда договаряются, где каждый из них должен править, и однажды установленные пределы владений пусть будут неизменны: не расширяются и не сокращаются вследствие династических браков и не перекраиваются по договорам” (с. 49–50). С помощью установления твердого и законного порядка наследования можно предотвратить династические войны – бич современной Эразму Европы. Королевские дети должны вступать в брак в пределах собственных владений. Правителю наследует его ближайший потомок или тот, кого изберет народ, прочие же остаются в положении знати, не имеющей права претендовать на власть. “Теперь же, – пишет Эразм, – из-за династических браков случается так, что родившийся в Испании вдруг становится правителем Индии, а кто недавно правил в Сирии, тот отказывается королем в Италии. Выходит, что ни та, ни другая страна не имеет правителя, ибо первую он покинул, а во второй его, совершенно неизвестного, родившегося в другом мире, не признают. И пока он домогается этой страны, пока смиряет ее, пока утверждается в ней, другую страну он истощает и жестоко попирает; иногда он, едва ли способный к управлению одной страной, стремится заполучить и другую и в итоге теряет обе” (с. 49).

В “Жалобе Мира” говорится о том, что единственным надежным способом установления “вечного мира” является уничтожение главного источника раздоров, корнящегося в низких страстях человека, и, прежде всего, в страстях правителей, от которых зависят судьбы людей. Здесь, как и в трактате “Воспитание христианского государя” (1516 г.)⁹, написанном для юного испанского короля Карла I (будущего германского

⁷ Смирин М.М. О политической концепции Эразма Роттердамского. – *Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя*. М., 2001, с. 361–362.

⁸ “По мнению Эразма, справедлива только та война, которая будет вестись исключительно в интересах всего государства без частных целей группировок и лиц. Найти такое государство и такие войны в начале XVI в. представлялось делом нелегким”. – Там же, с. 361.

⁹ Эразм написал трактат в ответ на назначение его в 1515 г. “королевским советником” (должность представляла собой sinecтуру) Карла I. – *Маркиш С.* Указ. соч., с. 17.

императора Карла V), Эразм рисует портрет идеального правителя¹⁰. По его мнению, правитель должен быть мудрым и справедливым, он обязан всеми силами защищать свое государство, заботиться об интересах народа. “Соображения общественной пользы должны быть выше личных пристрастий” (с. 59). Знати и чиновникам (магистратам) следует в этом подражать государю. Пусть мерилом всего станет благополучие государства, призывает автор. Народ же должен давать монарху столько, сколько требуется для общественного блага. Тогда станут ненужными “огромные армии и запасы оружия” (с. 49).

Но, как представляется, предложения Эразма по установлению “вечного мира” не ограничиваются только рекомендацией ввести арбитраж и установить постоянные границы. Так, например, размышляя над способом прекращения захватнических войн, Эразм отстаивает принцип неотвратимости наказания агрессора, ставший одним из основополагающих в современном международном праве. Проповедь пацифизма на секунду умолкает. Он пишет: “Если уж войны невозможно избежать, пусть она ведется так, чтобы величайшие бедствия обрушились на головы тех, кто послужил ее причиной” (с. 49). Немецкий ученый Ф. Гельднер в книге “Государственная концепция Эразма Роттердамского и его учение о княжеской власти” обращает внимание на то, что Эразм советует князю в области внешней политики стремиться, кроме отмеченного выше, наладить отношения с близкими и дальними народами, осторожно подходить к заключению союзов, различать категории войн, выработать меры их предупреждения и меры, направленные к смягчению и прекращению уже начавшихся конфликтов¹¹.

На наш взгляд, важно, что в “Жалобе Мира” Эразм констатировал: прочного европейского единства нельзя добиться одними политическими средствами. Этой цели можно достичь при помощи широкой поддержки со стороны людей, объединенных христианской религией. Поверх голов “сильных мира сего” он апеллирует к нарождающемуся в Европе общественному мнению и в этом проявляется его демократизм. “Эразм, будучи в теории демократом, а по склонности характера – аристократом, был по необходимости монархистом”¹², – пишет Гельднер. После страстного призыва к государям, священникам, богословам, епископам и другим прелатам церкви услышать наконец голос Христа, призывающего к Миру, он обращается “ко всем, кто считает себя христианином: единодушно сплотитесь ради Мира. Покажите, что может согласие народа против тирании сильных мира сего! Пусть все равноправно выскажут свои предложения. Пусть вечное согласие соединит всех, кого столь многими нитями соединили природа и еще больше Христос. Пусть все совместными усилиями стремятся к достижению того, что в равной мере составляет счастье каждого” (с. 58). Под сенью христианства могут ужиться все народы, ибо, как уже говорилось, автор полагает: единство христиан не подразумевает полного единомыслия, хотя события эпохи Реформации показали, что этот тезис Эразма остался только его благим пожеланием.

О будущем приятно грезить, сидя после обеда в хорошо натопленном уютном кабинете (Эразм, как известно, любил тепло и полумрак), а в настоящем ничего не сделаешь без поддержки власть предержащих. Поэтому свой трактат он заканчивает указанием на тех государей, чьи души “словно бы по Божьему велению” склонны к согласию.

¹⁰ Смирин подчеркивает: «Главную... особенность функций короля Эразм видел в том, что король управляет такими же людьми, как он сам: он – “человек, управляющий людьми”, “свободный – свободными”. Сознанию человеческого достоинства Эразм придавал решающее значение как в нравственном поведении отдельного человека, так и в управлении государством». – *Смирин М.М.* Указ. соч., с. 337.

¹¹ *Geldner F.* Op. cit., S. 130–131. Комментируя это высказывание, Смирин пишет: “Гельднер связывает содержащуюся в произведениях Эразма внешнеполитическую программу... с его личной позицией в усложнявшихся конфликтах, с его тогдашними утопическими надеждами на возможность достижения всеобщего примирения на основе проповедуемых им идей”. – *Смирин М.М.* Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978, с. 20.

¹² *Geldner F.* Op. cit. S. 88.

Философ рассчитывал, что они начнут борьбу за дело мира, а “прочим подобает последовать примеру этих великих государей” (с. 59). Если бы Эразм знал, что станет с его героями в будущем. Все надежды окажутся беспочвенными. “Смиренный миротворец” римский папа Лев X (1513–1521 гг.), возобновивший продажи индульгенций и преследовавший Лютера, тем самым способствовал углублению раскола в католической церкви. Радеющий “о всеобщем Мире” французский король Франциск I (1515–1547 гг.) вел постоянные войны в Италии с Карлом V (“юноша безупречного нрава”, именует его Эразм), и оба они до крайности истощили ресурсы своих владений. “Знаменитый английский король” Генрих VIII (1509–1547 гг.)¹³ в 1534 г. объявил об окончательном разрыве с папством, лично возглавив английскую церковь (“Act of Supremacy”), а в следующем году приказал казнить ближайшего друга и единомышленника Эразма – Томаса Мора (1478–1535). Из всех перечисленных в трактате монархов только дед Карла V с отцовской стороны – германский император Максимилиан I Габсбург (1493–1519 гг.), казалось, оправдал возлагаемые на него надежды. С помощью установления земского мира, создания палатного суда (камергерихта) в 1495 г. и имперского совета (рейхсрата) в 1500 г. он пытался прекратить беспорядки в империи и вновь централизовать ее. Максимилиан отличался рыцарскими доблестями, слыл другом наук и искусств, не был чужд литературного труда. Но войны, которые он вел в Италии и Швейцарии, закончились неудачно, что привело к ослаблению императорской власти и к дальнейшему развалу государства.

Конечно, весь проект Эразма можно назвать утопичным. Напрасными были надежды на совместные действия монархов Франции, Испании, Германии и Англии. Даже если бы они, собравшись вместе, договорились о мире, трудно представить, чтобы народы их стран безоговорочно поддержали своих правителей. Слишком разные интересы следовало примирить в данном случае. Уже существовали национальные государства. Для Эразма, как для гражданина мира, национальность – “пустое слово”, которое “разъединяет людей”, выдуманная причина раздора и разжигания ненависти. “Знать поддерживает... эти заблуждения глупой черни, злоупотребляя ими в своих корыстных интересах; даже священники участвуют в подобном обмане. Англичанин – враг французу по той лишь причине, что тот француз. Британец ненавидит шотландца лишь потому, что тот шотландец. Немец не ладит с французом, а испанец – с ними обоими. Какая превратность!” (с. 52). Тем не менее эти “пустяки” и пять столетий спустя после написания трактата продолжают быть для людей важной причиной, чтобы лишить жизни того, кого они считают “чужим”.

Эразму казалось: для установления “вечного мира” достаточно будет искреннего желания людей. “Мир по большей части водворяется тем, что его надо всем сердцем желать” (с. 51). Здесь автор заостряет важнейшую проблему, с которой позже придется столкнуться вождям Реформации. Если воля человека свободна и не закрепощена, то он может самостоятельно принимать решение о том, что ему полезно и что вредно. А если этот выбор окажется не в пользу добродетели, не в пользу мира? Эразму приходится признать: “Любому его причина (начало войны. – *А.О.*) представляется важнейшей, каждому улыбается своя надежда, хотя зачастую оказывается несправедливейшей причина, кажущаяся раздрaженному человеку справедливейшей, а надежда нередко обманывает” (с. 54). Мартину Лютеру (1483–1546) для решения этой нравственной проблемы придется выработать тезис о двойственной природе человека, подчинив его мятежную телесную субстанцию надзору светских властей. Другой видный представитель Реформации Жан Кальвин (1509–1564) будет учить о том, что судьба каждого человека от рождения предопределена Господом (тезис об “абсолютном и предвечном предопределении”). Успех в земной жизни может быть показателем предопределения к спасению.

¹³ Его воспитатель в годы отрочества лорд Маунтджой в 1509 г. считал, что “король жаждет не злата, жемчуга и драгоценностей, но добродетели, славы, бессмертия!”. – Цит. по: *Ивонин Ю.Е., Ивонина Л.И.* Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. Смоленск, 2004, с. 119–120.

Но неудача в земных делах не свидетельствует об обратном. Господь испытывает человека, который в любом случае обязан всеми силами исполнять свое предназначение (тезис о “мирском предназначении”).

Однако при всей утопичности и даже, с точки зрения реальной политики, наивности “Жалобы Мира”, мысль о необходимости широкой общественной поддержки мудрых правителей, стремящихся всеми силами избежать войны, очень важна. Эта поддержка будет, прежде всего, базироваться не на меркантильных интересах, а на христианской нравственности. Ничего более важного и прочного Эразм не может себе представить. “Определенно, нет уз, связующих крепче, чем братство во Христе” (с. 53). В то же время в трактате можно найти отрывок, свидетельствующий, что он понимал, какими практическими выгодами можно привлечь к борьбе за мир не только правителей, но и нарождающуюся буржуазию. “Мир благодаря взаимному обмену все делает общим” (с. 55). Автору – признанному главе европейской “республики ученых” – более всего интересен обмен знаниями, но если учесть, что чуть выше Эразм говорил об упадке ремесел, наук, искусств и торговли во время войны, то, следовательно, горожан он считал среди своих потенциальных союзников. В этой связи ему была не безразлична идея “естественного права” с признанием равенства всех людей от рождения.

На формирование политических идей Эразма имело влияние и движение нидерландских городов, в частности их борьба с абсолютизмом сеньоров – бургундских герцогов и стремление (после гибели герцога Карла Смелого при Нанси в 1477 г.) к партикуляризму и миру. Влиятельные нидерландские роды, с которыми был связан ученый, оказались заинтересованы в пропаганде идеи общего конгресса монархов под эгидой папы Льва X, общехристианского похода против турок и обеспечения свободы торговых связей. По прямому поручению главы рода Лесоважей Эразм, как он сам признавался в письме к своему близкому другу констанцскому канонику Иоганну Ботцгейму (ок. 1480–1535), и написал “Жалобу Мира”.